

ТОМСКИЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходить два раза въ мѣсяцъ.
Цѣна годовому изданію пять рубли
серебромъ съ пересылкою.

№ 10.

Подписка принимается въ редакціи
Томскихъ епархіальныхъ вѣдомос-
тей, при Томской Семинаріи.

ГОДЪ

15 мая 1891 года.

XII.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА.

Утвержденіе въ чинѣ.

Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 20 марта 1891 г. за № 47, учитель Барнаульскаго духовнаго училища Платонъ **Агентовъ** утвержденъ въ чинъ коллежскаго *ассессора*, со старшинствомъ съ 26 октября 1886 года по настоящей должности.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленія на должности, перемѣщенія и увольненія.

Окончившій курсъ Барнаульскаго духовнаго училища Валентинъ Рождественскій допущенъ къ исполненію должности псаломщика при Покровской церкви села Жерновскаго—16 апрѣля.

— Сельскій учитель Димитрій Корольковъ допущенъ къ исполненію причетническихъ обязанностей при Камыслинской Покровской церкви, съ возложеніемъ на него и обязанностей учителя въ мѣстной церковно-приходской школѣ—2 мая.

— Бывшій воспитанникъ Томской духовной семинаріи Александръ Гусевъ допущенъ къ исполненію причетническихъ обязанностей при Михаило-Архангельской церкви села Карачинскаго—2 мая.

— Имѣющая званіе сельской учительницы дѣвица Александръ Тюменцева, назначена учительницей Кулаковской церковно-приходской школы—2 мая.

— Состоящій на должности псаломщика при Николаевской церкви села Бабарыкинскаго, запрещенный діаконъ Юаннъ Сидонскій перемѣщенъ въ село Прапорщиковское—16 апрѣля.

— Временно допущенный къ исправленію должности псаломщика при Бердской Срѣтенской церкви Михаилъ Свѣтзаровъ, по утвержденіи его въ должности псаломщика, переведенъ къ градо-Томскому Каѳедральному Благовѣщенскому собору—16 апрѣля.

— Псаломщикъ села Больше-Трубачевского Иванъ Гирсамовъ перемѣщенъ къ Введенской церкви села Угуйскаго—2 мая.

— Состоящій на должности псаломщика при Николаевской церкви села Прапорщиковскаго діаконъ Алексій Никольскій, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, по болѣзненному его состоянію, уволенъ заштатъ—16 апрѣля.

— Учительница Секисовской церковно-приходской школы Надежда Безсопова, согласно ея прошенію, по семейнымъ обстоятельствамъ, уволена отъ должности—20 апрѣля.

— Учительница Кулаковской церковно-приходской школы дѣвица Марія Солодчина, согласно ея прошенію, уволена отъ должности—2 мая.

III.

ИЗВѢСТІЯ.

Открытіе школы грамотности.—20 апрѣля текущаго года разрѣшено открыть школу грамотности въ селѣ Ленковскомъ благочинія № 20, съ возложеніемъ на мѣстный причтъ обязанности ближайшаго заведыванія оной.

Распоряженія относительно церковныхъ построекъ.

Дано разрѣшеніе крестьянамъ деревни Куюгана, Бѣскаго округа, Сычевской волости построить въ оной, на ихъ средства, молитвенный домъ—30 апрѣля.

— Дозволено жителямъ деревни Гилева-Лога построить въ оной, на ихъ средства, деревянную церковь—1 мая.

† 3 текущаго мая скончался священникъ села Анисимовскаго Пророко-Ильинской церкви о. Іоаннъ Носовъ.

IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вакантныя мѣста къ 15 мая 1891 года.

а) Протоіерейское: благоч. № 30—при Покровскомъ соборѣ г. Устькаменогорска.

б) Священническія старшія: бл. № 12 — Кондустуюльской Θεодотовской прѣсковой; бл. № 7 — Смолинской Михаило-Архангельской; бл. № 26—Кузнецовской Покровской, Курьинской Знаменской; бл. № 7 — Усть-Сосновской Николаевской; бл. 5 — Чилинской Преображенской; бл. № 23 — Усть-Тарской Михаило-Архангельской.

— Благ. № 20—Тюменцевской Троицкой; бл. № 30—Верхъ-Убинской Покровской; бл. № 20—Бороваго форпоста Николаевской; бл. № 18 — Тадьменской Михаило-Архангельской, Анисимовской Пророко-Ильинской; бл. № 26—Кабановской Николаевской.

в) младшее: бл. № 16—Тулинской Троицкой.

г) Діаконское: бл. № 1—Богородице-Казанской при Императорскомъ Томскомъ университетѣ; бл. № 26—въ селѣ Хлопуновскомъ при Трехъ-Святительской церкви.

и д) Псаломническія: бл. № 22—Колмаковской Михаило-Архангельской, Верхне-Ичинской Троицкой; бл. № 8 — Тырыш-

кинской Троицкой; бл. № 22 — Чисто-озерной Троицкой; бл. № 7 — Верхо-Томской Вознесенской; бл. № 4 — Вороновской Иннокентьевской; бл. № 14 — Вагановской Христорожественской; бл. № 4 — Богородской Одигитриевской; бл. № 23 — села Спасскаго Спасской; бл. № 5 — Бабарыкинской Николаевской, Больше-Трубачевской Фроло-Лаврской.

— Бл. № 14 — Безруковской Николаевской; бл. № 22 — Устьянцевской единовѣрческой Успенской; бл. № 28 — Снѣгиревской Успенской; бл. № 19 — Меретской Троицкой; бл. № 20 — Бобровской Покровской; бл. № 24 — при градо:Війской Александро-Невской; бл. № 16 — Бердской Сретенской.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Распоряженія Высшаго Начальства. — II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — III. Извѣстія. — IV. Объявленіе.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАЗБОРЪ

вопросовъ, составленныхъ старообрядцемъ, крестьяниномъ деревни Починки Томской губернии Григоріемъ Страховымъ.

Старообрядцы, приѣмлющіе австрійское священство, въ началѣ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія раздѣлились на двѣ группы: противокружниковъ и окружниковъ. Противокружники, вѣрные завѣту первыхъ расколуучителей, и по настоящее время считаютъ православную россійскую церковь еретическою, а окружники, не находя въ ней ересей, однако не вступаютъ въ единеніе съ нею, ради «благословныхъ винъ.» Причины, препятствующія единенію ихъ съ греко-россійскою церковію, главнымъ образомъ, кроются, по ихъ сознанію, въ незаконныхъ дѣйствіяхъ патріарховъ: россійскаго Никона, антиохійскаго Макарія, отцевъ соборовъ 1656, 1666 и 1667 г. и Св. Синода, учредившаго единовѣріе. Подобные взгляды высказалъ, между прочимъ, одинъ изъ старообрядцевъ Томской губерніи, крестьянинъ дер. Починки Григорій Страховъ въ вопросахъ, поданныхъ имъ бывшему противораскольническому миссіонеру Угрюмову, и въ приложеніи къ нимъ. Страховъ въ оправданіе своего пребыванія внѣ церкви прежде всего указываетъ на то, что патріархи: Никонъ Московскій, Макарій антиохійскій и другіе восточные пастыри, а равно и отцы собора 1656 г. обрядъ двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія признали не православнымъ, еретическимъ преданіемъ, патріархомъ же Макаріемъ съ тремя другими восточными іерархами и соборомъ 1656 г. подвержены отлученію отъ Отца и Сына и Св. Духа тѣ, которые знаменуются двуперстиемъ и какъ еретики преданы проклятію. Дѣйствительно, патріархи

Никонъ и Макарій, а также и соборъ 1656 г. считали двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія неправославнымъ, еретическимъ преданіемъ, а патриархъ Макарій и соборъ 1656 г. предаль даже анафемъ крестящихся двуперстно. Но чтобы правильнѣе оцѣнить сужденія и дѣйствія вышепоименованныхъ лицъ по означенному вопросу, нужно предварительно изслѣдовать причины, по которымъ двуперстіе признано ими неправославнымъ преданіемъ и даже патриархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. преданы проклятію крестящіеся двуперстно.

Патриархъ Никонъ для своего мнѣнія о крестящихся двуперстно, какъ объ еретикахъ, указываетъ основаніе въ очевидномъ несоотвѣтствіи или «противности» двуперстія общепотребляемому въ православной восточной церкви троеперстному сложенію, о дѣйствительной древности, правильности и общепотребительности котораго онъ получилъ несомнѣныя свидѣтельства отъ современныхъ верховныхъ пастырей востока и изъ письменныхъ греческихъ памятниковъ. Антиохійскій патриархъ Макарій, изрекая свой отвѣтъ о двуперстіи, какъ неправославномъ преданіи, основывался также на томъ, что оно не согласуется несомнѣнно извѣстному ему общему обычаю православной церкви слагать для крестнаго знаменія три перста, — обычаю, идущему, отъ начала вѣры: «кто не творитъ крестъ тако, по преданію восточной церкви, еже держа отъ начала вѣры, есть еретикъ.» И соборъ 1656 г., только по тщательномъ и долговременномъ разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ патриархомъ Никономъ, полученныхъ имъ отъ вселенскихъ патриарховъ, свидѣтельствъ о несомнѣнной древности, правильности и всеобщемъ употребленіи православными троеперстнаго сложенія, произнесъ свое опредѣленіе о двуперстіи, какъ обрядъ неправославномъ. И такъ первымъ основаніемъ признать въ двуперстіи неправославный обычай для лицъ, произнесшихъ о немъ такое мнѣніе, служило несоотвѣтствіе или противность двуперстія несомнѣнно древнему, правильному и всею православною восточною церковью употребляемому троеперстному сложенію. Новое къ тому основаніе они нашли затѣмъ и указали въ самомъ двуперстіи,

какъ оно принималось и понималось тогдашними его ревнителями. Эти ревнители утверждали двуперстіе (какъ и нынѣ утверждаютъ) главнымъ образомъ на мнимо Феодоритовомъ словѣ, напечатанномъ въ Псалтиряхъ съ возсѣдованіемъ и другихъ незадолго предъ тѣмъ изданныхъ книгахъ, такъ что двуперстіе называлось по преимуществу Феодоритовымъ преданіемъ. На него поэтому обратили особенное вниманіе и патріархъ Никонъ, и соборъ 1656 г., и патріархи Пансіей и Макарій въ своихъ «правилахъ» и «толкованіи.» Всѣ они согласно признали слово Феодорита подложнымъ сочиненіемъ и въ самомъ своемъ содержаніи представляющимъ признаки неправославнаго происхожденія, а отсюда заключали, что и самое двуперстіе на немъ утверждающееся, имѣеть неправославный характеръ. Слѣды неправославнаго ученія въ самомъ содержаніи Феодоритова слова патріархъ Никонъ раскрылъ подробно: въ томъ наставленіи Феодорита, чтобы слагать во образъ св. Троицы первый, великій перстъ съ двумя послѣдними и малыми, оны указывалъ слѣды аріанскаго ученія о неравенствѣ лицъ св. Троицы, а въ наставленіи слагать особо два перста во образъ двухъ естествъ во Христѣ указывалъ слѣды несторіанскаго ученія о двухъ Сынахъ Божіихъ по естеству и благодати, утверждая при томъ, что чрезъ это вводится четвертое лицо во св. Троицу. Патріархи же Пансіей и Макарій въ своихъ «правилахъ» еще рѣшительнѣе сказали, что Феодоритово слово есть произведеніе нѣкоего раскольника и скрытаго еретика, при чемъ, находя сходство заповѣданнаго въ словѣ перстосложенія съ употребляющимся у армянъ, назвали составителя его державшимся именно арменскія ереси. Отсюда и самое сложеніе перстовъ по наставленію Феодоритова слова, или по преданію мнимаго Феодорита, они признали имѣющимъ аріанскій и несторіанскій характеръ, а патріархъ Макарій, по предпологаемому сходству, называлъ крестящихся двуперстно держащими арменской ереси.

Наковецъ, еще одно и вѣщнее основаніе судить такъ строго о перстосложеніи по мнимому Феодоритову преданію патріархи

Никонъ, Паисій и Макарій находили и указывали въ ученіи и дѣйствіяхъ самихъ тогдашнихъ ревнителей двуперстія. Эти ревнители возбудили изъ за сложенія перстовъ для крестнаго знаменія горячіе споры, усвоивъ обряду значеніе догмата вѣры, и именно троеперстіе огласили великою ересію, нововводствомъ, искажающимъ православную вѣру, а въ двуперстномъ сложеніи заключали самое таинство св. Троицы и воплощенія Сына Божія. Въ виду всего этого патріархъ Никонъ именно и говорилъ, что ревнители двуперстія «воздвизаютъ въ церкви прю о перстахъ», и здѣсь указалъ главную причину, побудившую его самого войти въ ближайшее и тщательнѣйшее изслѣдованіе вопроса о перстосложеніи; потомъ онъ же говорилъ, что эти ревнители двуперстія своими объ ономъ толкованіями даютъ поводъ подозрѣвать, что воплощенное Слово Божіе они считаютъ особымъ, четвертымъ во св. Троицѣ лицомъ, и проповѣдуютъ Троицу четвериипостасную. А патріархи Паисій и Макарій, въ своемъ «толкованіи» рѣшительно говорили о сихъ «суемудрыхъ» ревнителяхъ двуперстія, что они и писали, и учили, и проповѣдывали «все таинство Божества и человѣчества въ перстахъ быти и яко три неравные и разные перста есть таинство св. Троицы», почему и признали ихъ послѣдователями древнихъ еретиковъ, проповѣдовавшихъ неравенство и раздѣльность во св. Троицѣ. Свидѣтельства патріарховъ о поношеніи ревнителями мнимой старины великими хулами троеперстія и о неправославномъ ихъ ученіи о двуперстіи вполнѣ были справедливы, такъ какъ подтверждаются современными историческими памятниками. То обстоятельство, что протопопы Аввакумъ и Даніилъ еще въ 1653 году подали царю Алексію Михайловичу челобитную «о сложеніи перстовъ», служить яснымъ указаніемъ, какъ рано и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно выступили первые расколоучители съ своими препирательствами за двуперстіе. А что говорили, проповѣдывали и писали они во время этихъ препирательствъ и прежде всего, какія хуленія изрыгали на троеперстное сложеніе, — непрекаемымъ и печальнымъ памятникомъ этого служатъ со-

хранившіяся до настоящаго времени ихъ собственные сочиненія. Вотъ нѣкоторыя выдержки ихъ этихъ сочиненій: «Крестившійся тремя перстами, — пишетъ инокъ Авраамій, — отъѣнникъ есть Христовъ, неисповѣдай Христа, воплотившагося насъ ради... таковой богострастникъ и еретикъ, Троицу на крестъ пригвождая, арменинъ, ... богострастникъ есть, и чужь вѣры во Христа Иеуса.... сатана скрився во змію, и Адама прелести и изгна изъ рай: тако и вывѣ во своя ему скрися, въ три простыя перста». Протопопъ Аввакумъ писалъ о Никонѣ патріархѣ: «ты, Никонъ, не святой Троицѣ служишь, но скверной троицѣ: змію и звѣрю и лживу пророку». Люди, такъ говорившіе, проповѣдовавшіе и писавшіе о троеперстіи, находившіе въ немъ всяческія ереси, называвшіе его даже печатью сатаны, такими своими дѣйствіями и ученіями давали вполне законное основаніе современнымъ православнымъ пастырямъ признавать ихъ самихъ отступниками православія, врагами церкви, и въ самомъ перстосложеніи, которое они употребляли и на защиту котораго ополчились съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ видѣть съ полною увѣренностью и основательностью слѣды неправославныхъ ученій. Ихъ собственные мнѣнія о двуперстіи давали къ тому еще новыя, вполне твердыя основанія. Напримѣръ, Никонъ говорилъ, что современные ему ревнители двуперстія возбуждали своимъ перстосложеніемъ мысль о четвертомъ лицѣ во св. Троицѣ, проповѣдывали Троицу четвероипостасную, и это вполне подтверждается достовѣрными извѣстіями о нѣкоторыхъ расколоучителяхъ того времени. Діаконъ Феодоръ въ посланіи къ своему сыну говоритъ: «протопопъ Аввакумъ и попъ Лазарь начали троицу на трехъ престолахъ исповѣдовати... и Христа четверта Бога глаголють быть и на четвертомъ престолѣ сѣдѣща». Столь-же справедливо, безъ сомнѣнія, говорили и патріархи Памфилій и Макарій о современныхъ имъ ревнителяхъ двуперстія, что они въ перстахъ заключали самое таинство Божества и человѣчества. Самая ожесточенность, съ какою выступили на защиту двуперстія тогдашніе его ревнители, ясно показываетъ, что они держа-

лись именно такихъ, противныхъ православію, возрѣній на обрядъ перстосложенія. Зная все это, имѣя дѣло съ такими лжеучителями и столь ожесточенными худителями православнаго обряда, патріархи Никонъ и Макарій и отцы собора 1656 г. имѣли законныя основанія признать ихъ отступниками православія и указывать слѣды неправославія въ самомъ перстосложеніи, которое они употребляли вмѣсто отвергнутаго и похуленнаго ими троеперстія. И такъ какъ основанія къ признанію двуперстія неправославнымъ преданіемъ, указанныя патріархами Никономъ и Памфиломъ и отцами собора 1656 г., были правильны для своего времени и въ отношеніи къ лицамъ, ратовавшимъ за двуперстіе, какъ за догматъ вѣры, даже до обвиненія православной церкви, употребляющей троеперстіе, въ поврежденіи ересими, то и признаніе двуперстія неправославнымъ преданіемъ было для своего времени и въ отношеніи къ такимъ ревнителямъ вполне правильно. Разсматриваемое безъ отношенія къ обстоятельствамъ времени, оно утрачиваетъ нѣкоторую долю правильности, — и именно нельзя назвать двуперстіе само по себѣ, или по существу своему, обрядомъ неправославнымъ, такъ какъ впоследствии выяснилось, что оно не служитъ и не употребляется къ выраженію какихъ либо неправославныхъ мудрованій, но и не противное въ своемъ существѣ православію, двуперстіе получаетъ неправославный характеръ, когда признается не обрядомъ, а догматомъ вѣры, когда почитается единственно достойнымъ къ употребленію, когда употребляется какъ отрицаніе троеперстія, съ тяжкими укоризнами и хулами на него и православную церковь. Поэтому же и на тѣхъ же основаніяхъ, почему двуперстіе признано было неправославнымъ преданіемъ, патріархъ Макарій и другіе произнесли проклятiе на крестящихся двуперстиемъ, какъ употребляющихъ неправославный обрядъ. И если ихъ мнѣніе о двуперстіи, какъ неправославномъ преданіи, въ свое время и въ отношеніи къ тогдашнимъ ревнителямъ двуперстія имѣло полную правильность, то и произнесенная ими клятва на крестящихся двуперстиемъ была также правильна

для своего времени и въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ. Разсматриваемая же клятва безотносительно, не можетъ быть признана безусловно и во всей полнотѣ своей правильною. Именно: клятва не можетъ простираться безусловно на всякаго крестящагося двуперстно; но вполнѣ законно и справедливо она падаетъ на тѣхъ, которые этому обряду, въ существѣ своемъ не нарушающему православія, придаютъ значеніе догмата, считаютъ единственно и исключительно достойнымъ употребленія, и употребляютъ въ прямое отрицаніе, осужденіе и порицаніе троеперстія, въ явное противленіе церкви. По этому неосновательно Страховъ обвиняетъ патріарховъ Никона и Макарія за произнесенный ими судъ на крестящихся двуперстно. Не болѣе основательно и другое обвиненіе, дѣлаемое Страховымъ по вопросу о древности происхожденія троеперстія. Приведа слова патріарха Макарія объ апостольскомъ происхожденіи троеперстія, онъ замѣчаетъ, что патріархъ не указалъ ни одного апостола и св. отца, въ писаніяхъ котораго находилось бы наставленіе креститься тремя перстами. Но возражатель забываетъ, что патріархъ Макарій въ отвѣтѣ своемъ патріарху Никону говорилъ не о писаніяхъ апостольскихъ и отеческихъ, но о преданіи: «преданіе пріяхомъ»; и онъ же вмѣстѣ съ патріархомъ Панаємъ, въ «толкованіи», еще яснѣе сказалъ, что обычай слагать три перста для крестнаго знаменія принять церковью «изначала неписаннымъ преданіемъ». Допустимъ даже и то, что патріархи Никонъ, Макарій и отцы собора 1656 г. неправильно поступили, признавъ двуперстіе неправославнымъ обрядомъ, и осудивъ его. Что же отсюда слѣдуетъ? Неужели то, что и вся греко-російская церковь погрѣшила? Нѣтъ. Частныя лица, въ томъ числѣ и учителя церкви безгрѣшностью не обладаютъ и могутъ ошибаться. Но за эти ошибки не только никогда не дѣлали отвѣтственною всю церковь, но не судили строго и самихъ лицъ. Такъ въ древности Діонисій Александрійскій въ борьбѣ съ еретикомъ Савелліемъ, — сливавшимся лица св. Троицы, увлекшись полемикою, самъ допустилъ ошибочныя выраженія

о различіи въ самомъ существѣ между лицами св. Троицы. Но за это не только никто не дерзаль обвинить церковь, но и самаго Діонисія не исключили изъ числа церковныхъ учителей. Подобно Діонисію и блаженный Феодоритъ Кипрскій также допускаль ошибочныя мысли, которыя были осуждены на 5 вселенскомъ соборѣ, самъ же онъ изъ числа церковныхъ учителей извергнуть не былъ. Наконецъ, Амвросій, Августинъ и Иеронимъ высказывали мысли объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Но кто можетъ обезчестить ихъ, вопрошаетъ одинъ древній писатель? «Мы учительство ихъ, еже кромѣ Господскаго гласа не приедемъ, самѣхъ же отъ стада отеческаго не отлучаемъ». (Макар. четь-минея авг. 31 день) Да и въ исторіи русской церкви до патріаршества Никона развѣ не было іерарховъ, высказывавшихъ ошибочныя мнѣнія? Соборное изложеніе патріарха Филарета въ запрещеніи латинскимъ священникамъ жевиться видить монтанское разореніе брака; но латиняне были чужды монтанскихъ воззрѣній. Патріархъ Иосафъ призналь чинъ погребенія священниковъ составленнымъ попомъ Еремѣемъ, еретикомъ болгарскимъ, что также несправедливо. За такія несправедливыя сужденія, допущенныя патріархами Филаретомъ и Иосафомъ, неужели Страховъ обвинить всю древне-россійскую церковь? Этого, конечно, онъ не сдѣлаетъ; а если такъ, то не долженъ за рѣзкія сужденія патріарховъ Никона и Макарія о перстосложеніи обвинять и всю греко-россійскую православную церковь. Страховъ въ своихъ вопросахъ и приложеніи къ нимъ говорилъ также о клятвахъ соборовъ 1666 и 1667 г. Относительно собора 1666 г. нужно замѣтить, что этотъ соборъ въ своемъ постановленіи, или законодательномъ актѣ, никакихъ клятвъ, ни на кого и ни за что не валагалъ. На этомъ соборѣ были судимы только частныя расколоучители за тѣ хулы, которыя они проповѣдывали и писали относительно новонаправленныхъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Соборъ же 1667 г., дѣйствительно, изрекъ анаѣму, но только не на обряды, какъ утверждаетъ Страховъ и прочіе раскольники. Чтобы

уяснить опредѣленіе о.о. собора 1667 г. необходимо вникнуть въ содержаніе и смыслъ издавнаго въ 1667 г. соборнаго акта.

Соборный актъ 1667 г. можетъ быть раздѣленъ на три части: въ первой излагаются причины, вызвавшія и соборъ и соборное опредѣленіе; во второй, раскрывается, въ чемъ состояли соборныя занятія и излагается самое опредѣленіе собора; въ третьей, произносится приговоръ на непокоряющихся этому соборному опредѣленію. Всѣ эти три части находятся между собою въ тѣсной связи. Разсмотримъ же содержаніе каждой части соборнаго акта. Въ 1 части говорится, что побудительною причиною къ составленію собора послужили распространяемыя лжеучителями и смутившія народъ тяжкія хуленія на соборнѣ исправленныя церковно-богослужебныя книги и обряды, на самую церковь, принявшую эти книги и обряды въ употребленіе, и на самыя таинства, совершаемыя церковью по этимъ книгамъ и обрядамъ. Вотъ подлинныя слова соборнаго акта: «нарицахъ (лжеучители — Аввакумъ, Лазарь и пр.) книги печатныя новонаправленныя... быти еретическія и растаѣныя, и чины церковныя, еже исправнишася съ греческихъ и древнихъ россійскихъ книгъ «злословиша»... и весь архіерейскій чинъ и савъ уничтожиша, и возмутиша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церкви быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники, такъ что во многихъ отъ народа вниде, яко ересями многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства, и послѣдовавія церковныя». «Сихъ ради винъ» собрались на соборъ сначала великорусскіе архіепастры, а потомъ прибыли въ Москву и восточныя вселенскіе патріархи, которые и издали окончательное соборное опредѣленіе. И такъ причиною, вызвавшею соборъ 1667 г., равно какъ и самое изреченное соборомъ опредѣленіе, служили вестерныя хулы лжеучителей на новонаправленныя богослужебныя книги и чины, на церковь, іерархію и таинства. Далѣе въ соборномъ актѣ излагаются самыя занятія собора, опредѣлявшіяся именно вызвав-

шими его причинами. Такъ какъ предлогомъ для клеветы и хуленій на церковь лжеучителямъ служило начатое при патріархѣ Николѣ исправленіе книгъ, то соборъ и занялся тщательною повѣркою новоисправленныхъ книгъ по древнимъ славянскимъ и греческимъ рукописямъ, и, провѣривъ, нашелъ, что книги исправлены вѣрно, во всемъ согласно греческимъ и харатейнымъ славянскимъ. Найдя новоисправленные книги правоисправленными, соборъ дѣлаетъ постановленіе объ употребленіи ихъ въ великороссійской церкви: «книги, яже за повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и благословеніемъ и совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправившася и и приведошася и напечаташася... Служебники и потребники и прочія (за не суть право исправлены) пріимати, и по нихъ правити церковное все Божіе славословіе чинно и не мятежно и единогласно».

Вотъ въ чемъ состояли существенныя занятія собора и вотъ главное, первое его опредѣленіе. Достойно здѣсь особеннаго вниманія то, что соборъ, одобливъ новопечатанныя книги и сдѣлавъ опредѣленіе объ ихъ употребленіи въ русской церкви, не произнесъ однако же никакого порицанія на книги старопечатныя, предъ тѣмъ употреблявшіяся, мало того, — соборъ не дѣлаетъ прямо, точно и рѣшительно выраженнаго опредѣленія, чтобы впредь оныя книги отнюдь и ни подъ какими условіями не были употребляемы. Наконецъ, по указаніи причинъ, вызвавшихъ соборъ, по изложеніи занятій собора и сдѣланнаго имъ постановленія, изрекается въ соборномъ актѣ судъ и приговоръ надъ лицами, непокоряющимися церкви и собору. Вотъ подлинныя слова этого приговора: «сіе ваше соборное повелѣніе... предаемъ и повелѣваемъ всемъ неизмѣнно хранить и покоряться святой восточной церкви. Аще ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ преколовити и противлятися намъ, и мы такового противника, давнюю намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа,

извергаемъ: отлучаемъ... и проклятію и анаемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочленія и стада и отъ церкви Божіа отсѣкаемъ, дондеже уразумитесь и приидеть въ правду поканіемъ». Такимъ образомъ клятва, изреченная соборомъ 1667 г., падаетъ на тѣхъ людей, которые, держа существовавшіе, но отмѣненные обряды, оказывали въ то же время противленіе церкви и похуляли исправленные обряды, таинства и самую церковь, а не на самые обряды и книги, которые были только отмѣнены. Обряды были отмѣнены потому; что они не согласовались съ обычаями и установленіями церкви греческой и древне-русской, или своимъ внѣшнимъ видомъ не вполне соответствовали внутреннему смыслу, въ нихъ заключающемуся. Такъ, напримѣръ, крестившіеся двумя перстами указательнымъ и среднимъ, въ означеніе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, въ то же время тремя остальными перстами—первымъ четвертымъ и пятымъ—хотѣли изобразить Св. Троицу; но такое перстосложеніе, кромѣ того, что было несогласно съ предписаніями древнихъ церковныхъ книгъ, могло еще неравенствомъ по счету перстовъ внушить мысль, что крестившіеся такимъ перстосложеніемъ не исповѣдуютъ равенства лицъ св. Троицы. Нѣдн суемудрін писана, говорится въ соборныхъ актахъ, и научиша и сказаша все таинство Божества и человечества въ перстахъ быти: и являтися пребеззаконно и хульному троичному таинству въ неравныхъ перстахъ. Глаголаша тѣ суемудрін, яко два перста, второй указательный и третій средній Божество и человечество знаменуютъ: и три перста, первый, четвертый, и послѣдній меньшій, наклониши, и совокупиши подъ двема персты, и именоваша св. Троицу, я глаголаша: яко тѣ три неравныя, и равныя персты, есть таинство святыхъ Троицы. Всемъ убо явлено есть, яко исповѣдаша, во святой Троицѣ, неравенство: яко ариане, и несторіане... и прочіи проклятіи еретицы *).

* Помяну той мысли, которую можетъ молвившійся влущать двуперстіе. оно отъ лица собора было осуждено, какъ видно изъ соборнаго опредѣленія, еще и потому, что молвившійся тогда двуперстіе полагалъ въ самомъ перстосложеніи, безъ отношенія къ выражаемой имъ мысли «все таинство божества и

Точно также употреблявшие молитву Иисусову только съ словами: «Сыне Божій», какъ бы не хотѣли признать, что Иисусъ Христосъ есть не только Сынъ Божій, что признавали и еретики, но и Богъ истинный, единосущный Богу Отцу. Кто хочетъ глаголати, говорится въ тѣхъ же соборныхъ актахъ, упрямства ради, токмо едино: Господи, Иисусе Христе Сыне Божій, Боже нашъ глаголати отвращается, мнится, яко мудрствуетъ, и исповѣдуетъ Христа, яко и Арій, точно сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна, единосущнаго Отцу». Не похуляя, такъ называемые, старые обряды сами по себѣ независимо отъ значенія усвоеннаго ихъ употребленію; и прежнія церковно-богослужебныя книги *), отцы собора 1667 г. о нѣкоторыхъ изъ обрядовъ, напримѣръ, молитвъ Иисусовой, отзвались даже съ почетомъ: «и сія молитва: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, непрекословницмъ свобода есть». Наконецъ о непохуленіи и не преданіи проклятію отцами собора 1667 г. обрядовъ свидѣлствуютъ: во 1-хъ опредѣленіе собора 1667 г. относительно нѣкоторыхъ постановленій стоглаваго собора. Въ этомъ опредѣленіи отцы собора 1667 г. отмѣнили то, что писано въ стоглавѣ о сложеніи перстовъ и сугубой аллилуіи, клятву стоглаваго собора признали неправедною и разрушили; во своей клятвы не положили. Если бы соборъ 1667 г. придавалъ обрядамъ догматическое значеніе, то не только разрушилъ-бы клятву стоглава, но и свою положилъ-бы въ обратномъ смыслѣ. Во 2-хъ та точка зрѣнія, которую установили отцы собора 1667 г., при отмѣнѣ опредѣленій стоглаваго собора: «Церковь имѣеть многія указа-

человѣчества», обоготворили слѣдательно самыя персты, какъ дѣлають большую частію старобрядцы и въ настоящее время. Осудить за такое двуеретіе соборъ имѣлъ право, такъ какъ осужденія подобнаго рода обрядовыхъ злоупотребленій мы видимъ даже въ богодухновенныхъ книгахъ. Такъ ветхозавѣтные обряды безъ сомнѣнія установлены самимъ Богомъ, между тѣмъ пророкъ Исаія отъ лица Бога говорить: «вадило жерзости ми есть, суббота и новолѣтій ненавидѣть моя душа». Здѣсь пророкъ очевидно осудилъ не кадило и праздники, а злоупотребленіе ими.

*) Въ служебникѣ 1667 г., имѣющемъ неразрывную связь съ соборомъ, говорится: «не охуждаются симъ (исправленіемъ служебника) и прежнія исправленія, но въ вѣщную совершенія степенъ возводятся».

нія отъ древности преусиѣвать на лучшее»; это видно изъ того, что и въ прежнее время соборы безъ всякаго зазора отличали и добрѣ исправляли несовершенныя изложенныя правила отъ прежде бывшихъ соборовъ, исправляли на лучшее даже апостольскія узаконенія (слич. неок. соб. прав. 15 и всел. соб. 16 съ толков., 6 всел. соб. прав. 12). Если отцы собора 1667 г. отлученіе и клятву изрекли не на обряды и книги, а только на противниковъ и непокорниковъ церкви и собора, которые, не повинаясь соборному постановленію и повелѣнію, утверждаютъ, что якобы новоправленныя книги, чины и обряды неправо исправлены, искажены, заражены многими ересями, то, очевидно, оно не распространяется на тѣхъ старообрядцевъ, которые, по словамъ соборнаго опредѣленія «уразумились и возвратились въ правду покаяніемъ». Къ числу такихъ старообрядцевъ принадлежатъ тѣ, которые ищутъ единенія съ церковью на правилахъ единовѣрія. Они «уразумились» — сознали, что незаконно противились церкви и собору, почитая новоправленныя книги и по нимъ совершаемые чины и обряды неправославными, еретическими, «пришли въ правду», — увѣрились, что соборъ справедливо призналъ новоправленныя книги, чины и обряды право исправленными и законно повелѣлъ принять ихъ въ церковное употребленіе, «раскаялись» предъ церковію въ своей винѣ, и только просить снисходительнаго позволенія употреблять невоспрещенныя прямо и безусловно самимъ соборомъ старопечатныя книги, по которымъ привыкли служить, и старые обряды, которые привыкли употреблять. Значитъ, настало для нихъ то «дондеже», за предѣлами котораго, по точному и буквальному смыслу соборнаго постановленія, находившіеся подъ клятвою и отлученіемъ собора освобождаются отъ нихъ. По этому Св. Синодъ церкви російской, разрѣшая вступающихъ въ единовѣріе отъ клятвы, положенной соборомъ 1667 г., дѣйствовалъ и дѣйствуетъ по точному и буквальному смыслу соборнаго опредѣленія. И старообрядцы, вступившіе въ единеніе съ православною церковью на правилахъ единовѣрія, имѣютъ основаніемъ своей церкви

не 16 пунктовъ, какъ утверждаетъ Страховъ и другіе раскольники, а тоже евангельское и апостольское ученіе и опредѣленіе семи вселенскихъ соборовъ, какъ и православная церковь.

Разсматривая означенные пункты, Страховъ, процитовавъ пунктъ 5 правилъ единовѣрія, которымъ предоставлено право единовѣрцамъ не допускать на свои моленія крестящихся троеперстно, брѣющихъ бороды и «прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями», а также не требовать ихъ священниковъ въ греко-россійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, говорить, что изъ этого ясно видно, «что единовѣрцы истинны не признали». Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно-ли старообрядцы Московскіе, подавніе митрополиту Платону при прошеніи пункты, не признавали россійскую господствующую церковь православной? Если-бы они россійскую церковь не признали православной, то, очевидно, должны были бы прежде всего отвергнуть дѣйствительность и дѣйственность таинствъ, совершаемыхъ въ греко-россійской церкви. А между тѣмъ въ 10 пун. правилъ, подаваемыхъ ими на заключеніе митрополита Платона, говорится: «старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не должны ступать поправлять пріемлемыя старообрядцами отъ греко-россійской церкви священныя тайны, какъ-то хиротонію, крещеніе, миромазаніе, бракъ и проч.; но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ». Признавая таинства православной церкви дѣйствительными таинствами, московскіе старообрядцы въ тоже время раскаялись и въ томъ неправильномъ взглядѣ на существующіе въ греко-россійской церкви обряды и книги, котораго такъ уворно держались ихъ предки и они сами. Такъ въ пун. 16 говорится: «Распри, раздоры и хулы ни съ единой стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо таковая обосторонняя разность, «какъ не принадлежитъ до сущности вѣры», то и да пребудутъ старообрядцы и сынове греко-россійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада едиными святыми соборными и апостольскими церкви». И такъ старообрядцы, всту-

пающіе въ единеніе съ православною церковью приносятъ полное раскаяніе въ своей винѣ, сознають, что незаконно они хулили іерархію, таинства и церковь, и только просятъ снисходительнаго дозволенія употребить не воспрещенныя прямо и безусловно соборомъ 1667 г. старопечатныя книги и старыя обряды и не допускать на свои моленія крестящихся троеперство, брѣющихъ бороды и т. п. Св. Синодъ, слѣдуя примѣру апостольскому, снисходя немощи просящихъ, дозволилъ имъ употреблять вмененныя старыя книги и обряды, а также не допускать православныхъ на свои моленія. Въ данномъ случаѣ Св. Синодъ поступилъ согласно древней практикѣ церкви вселенской. Въ древней церкви вѣрующіе отъ іудей съ вѣрующими отъ языкъ не сообщались въ яденіи и питіи, какъ это можно видѣть изъ посланія ап. Павла къ Галатамъ (зач. 262), и апостолы, особенно Іаковъ, а также Петръ, Варнава, снисходили имъ въ этомъ; но это снисхожденіе къ вѣровавшимъ отъ іудей не унижало св. апостола Іакова и не вредило спасенію самихъ вѣровавшихъ изъ іудей. Поэтому напрасно Страховъ указываетъ на снисхожденіе, первоначально оказанное церковью единовѣрцамъ, въ виду ихъ немощи принятіемъ 5 пункта. Также древняя церковь представляетъ намъ примѣры того, какъ предстоятели частныхъ, помѣстныхъ церквей, не сносясь съ прочими церквами, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ вселенскому и даже къ помѣстному собору, иногда дѣлали у себя, по благословнымъ винамъ, послабленія и исключенія изъ общепринятыхъ въ церкви правилъ даже по предметамъ, несравненно большей важности, чѣмъ разрѣшеніе употреблять въ общеніи съ церковью и съ благословеніи церкви обряды, нѣсколько отличающіеся отъ обще-церковныхъ; и вселенская церковь такія дѣйствія предстоятелей частныхъ церквей не поставляла имъ въ вину. Въ доказательство приведемъ примѣръ, наиболѣе заслуживающій вниманія — Великіе учителя церкви Василій Великій и Григорій Богословъ, еще прежде предъявленія какихъ либо требованій желающими присоединиться къ православію отъ ереси, сами замыслили, какія можно сдѣ-

дать имъ уступки, чтобы расположить ихъ къ присоединенію: такъ они присоединяющимся отъ духоборцевъ сдѣлали даже столь великое снисхождение, что дозволяли имъ не употреблять о Духѣ Святомъ наименованія: «Богъ», лишь-бы только они не именовали Его тварью. «Уступите Духу Святому силу Божества, говоритъ Гр. Богословъ, обращающъ къ неправомудствующимъ о Св. Духѣ, — и мы вамъ уступимъ слово Богъ» (слово на пятидесяти.). «Прошу Васъ, писалъ Василиій Великій пресвитерамъ тарсійскимъ, прошу васъ, не утверждающихъ, что Духъ Святой есть тварь, принять въ общеніе... Надобно требовать, чтобы Духа Святаго не именовать тварью. Болѣе сего я прошу ничего не спрашивать». Такимъ образомъ, ради мира церковнаго, ради привлеченія неправомыслящихъ въ единеніе съ церковью, св. Василиій Великій и Григорій Богословъ дѣлали для нихъ уступку даже въ исповѣданіи одного изъ основныхъ догматовъ православной вѣры, со всею ясностью изложенныхъ въ словѣ Божіемъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, Св. Синодъ церкви россійской могъ сдѣлать снисхождение для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковью, относительно предметовъ не догматическаго свойства.

Далѣе Страховъ въ подтвержденіе своей мысли, что отцами соборовъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1656, 1666 и 1667 г., были прокляты обряды, приводитъ слова митрополита Платона, изложенныя въ 1 пунктѣ правилъ единовѣрія. Московскіе старообрядцы, подавшіе прошеніе о присоединеніи къ церкви, первымъ условіемъ, при которомъ можетъ совершиться присоединеніе, поставили, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ преждеположенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобныя сему обряды. Митрополитъ Платонъ по этому пункту высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ, разрѣшить: ибо хотя церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ, и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они соединяются съ церковью и истину ея, и таинства, и священство признаютъ дѣйствительными, то и потребно сіе раз-

рѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣтъ быть отягощаема, еще подѣ каковыми отторгающіеся отъ церкви имѣють и впредѣ состоять праведно». Приведи означенное мнѣніе митрополита Платона, Страховъ обращаетъ особенное вниманіе на слѣдующія слова: «церковь на нихъ оныя, т. е. клятвы, возложила праведно». Очевидно, Страховъ не вдумался въ смыслъ отвѣта митрополита Платона и подѣ выраженіемъ «ихъ» разумѣеть обряды. Но, если бы митрополитъ Платонъ подѣ словомъ «ихъ» разумѣлъ обряды, то онъ не могъ бы допустить такихъ выраженій, стоящихъ въ непосредственной связи со словомъ «ихъ», именно: «они и сами признаютъ», «они соединяются съ церковью», такъ какъ обряды не личные существа, а предметы неодушевленные, не имѣющіе никакого сознанія и никакой воли. Поэтому подѣ словомъ «ихъ» нужно разумѣть самихъ старообрядцевъ, а не содержимые ими обряды, и слѣдовательно митрополитъ Платонъ призналъ клятву, вложенную церковью, праведной не на обряды, а на раскольниковъ, непокоряковъ церкви, которые «имѣють и впредѣ состоять подѣ клятвою праведно» (см. пун. 11). Наконецъ, Страховъ, при разсмотрѣніи пун. 16 правилъ единовѣрія, указываетъ еще на мнѣніе митрополита Платона, приложенное имъ къ означеннымъ пунктамъ. «Что несчастливый расколъ, — говоритъ митрополитъ Платонъ, — отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истинны отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ коихъ явственно и доказательно показано, и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества возшедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленные книги въ нашей церкви православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается и проч.». Комментируя вышеприведенное мнѣніе митрополита Платона,

Страховъ утверждаетъ, «что не можетъ быть другой мысли господствующей церкви, кромѣ той, которая изложена во многихъ изданныхъ противу раскола книгахъ. А въ этихъ книгахъ двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія между иныхъ ужасныхъ порицаній называется «адовыми вратами». Но Страховъ ошибочно понимаетъ слова митрополита Платона — «и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная церкви мысль, развѣ каковая ея—доселѣ за истину признана и признается», относя ихъ къ самымъ книгамъ, изданнымъ въ защиту православія. Нынѣ, здѣсь говорится только о томъ, что какъ прежде, такъ и во время митрополита Платона церковь признавала заблужденія раскольниковъ и погрѣшности, вкрашіяся въ прежнія церковныя книги. Что-же касается порицаній на мнимые старые обряды, находящіяся въ нѣкоторыхъ полемическихъ противораскольническихъ книгахъ, то взглядъ церкви російской относительно ихъ — достаточно ясно выраженъ былъ еще въ 1733 г. въ книгѣ «увѣщаніе во утвержденіе истинны» и въ недавно изданномъ «изъясненіи» Св. Синода, въ которомъ не только не произносится ни какого осужденія и порицанія на извѣстные обряды, но прямо заявляется, что рѣзкіе отзывы и выраженія, содержащіяся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ, церковь и не подтверждаетъ». Не болѣе основательны замѣчанія Страхова и его единомышленниковъ и относительно 11 пункта правилъ единовѣрія, которымъ дозволяется православнымъ приобщаться у священника единовѣрческаго только «въ крайнемъ случаѣ». Страховъ спрашиваетъ: «почему такъ строго тѣснится свобода на приобщеніе таинствъ сына господствующей церкви и какая тому можетъ быть предосудительность?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ практика древней церкви. 81 правило (а въ книгѣ правилъ 91) Карфагенскаго собора повелѣваетъ епископу, отъ чужаго предѣла инока поставльшему во игумена, не сообщаться съ прочими епископами, но только «во своей ему церкви да служить и со своими людьми да приобщается». Теперь спрашивается, почему сообщеніе епископа, т. е. сослуженіе съ

прочими православными епископами, возбранено этому епископу, тогда какъ служеніе въ своей церкви и приобщеніе съ своими людьми дозволено? Если его служеніе съ прочими епископами вредитъ дѣйственности таинства, то какъ оно не вредитъ таинству, когда совершается «въ своей ему церкви», и для его паствы есть спасительно? Ясно, что соборъ установилъ это, не имѣя въ виду различія въ силѣ и дѣйственности таинства, а только въ исправленіе епископа. Такъ точно и правило единовѣрія, которое цитируетъ Страховъ, вовсе не указываетъ на различіи силы таинства, совершаемаго въ православной и единовѣрческой церкви. Что св. таинства, совершаемыя въ единовѣрческой церкви, признаются тождественными и одинаково спасительными, какъ и таинства совершаемыя въ православной церкви, это видно и изъ самаго 11 пункта правилъ единовѣрія, которымъ дозволяется православному въ крайнемъ случаѣ «приобщаться св. таинъ» у единовѣрческаго священника, чего ни въ какомъ случаѣ не дозволено было бы, если бы таинства, совершаемыя этимъ священникомъ, не считались дѣйствительными. Итакъ Св. Синодъ церкви россійской, учреждая единовѣріе и утвердивъ вышеуказанные 16 пунктовъ правилъ единовѣрія, дѣйствовалъ и дѣйствуетъ, съ одной стороны, на основаніи подлиннаго акта собора 1667 г., гдѣ, между прочимъ, говорится, что клятва неизмѣнно должна лежать на непокорникахъ церкви, «деждеже уразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ», а съ другой стороны, согласно практикѣ древней церкви. Поэтому напрасно Страховъ обвиняетъ православную россійскую церковь въ незаконныхъ ея дѣйствіяхъ по вопросу о принятіи старообрядцевъ, раскаявшихся въ своихъ заблужденіяхъ, въ общевіе съ церковью, и пользуется этимъ обвиненіемъ для оправданія своего пребыванія внѣ православной церкви.

Отъездъ Преосвященнаго Исаанія изъ г. Томска.

Съ ранняго утра 19 февраля, нѣкоторые изъ жителей г. Томска начали собираться въ архіерейскій домъ, чтобы получить послѣднее благословеніе отъ отъѣзжавшаго на Кишиневскую кафедру бывшаго своего архипастыря, Преосвященнаго Исаакія.

Въ 9 часу утра принесена была въ залъ архіерейскаго дома икона Иверской Божіей Матери, отслужили напутственный молебенъ; по окончаніи молебна архіерейскіе пѣвчіе, пропѣли «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко»; затѣмъ дѣти пропѣли (тріо) пѣснь Божіей Матери изъ «Лепты»: *Царице моя преблагая...* Послѣ земныхъ поклоновъ, облобызавъ св. икону, Владыка, обратившись къ дѣтямъ — пѣвчимъ, съ душевнымъ волненіемъ сказалъ: «ну, дѣти, прощайте навсегда!» при этомъ показались слезы на глазахъ Владыки. Благословляя и цѣлуя каждого изъ нихъ архипастырь, съ подавленнымъ отъ волненія голосомъ, съ нѣжною отеческою любовію, могъ только сказать: «дѣтки, поцѣлуемся: вѣдь мы больше не увидимся». Дѣти, получивъ архипастырское благословеніе, поспѣшно уходили въ другую комнату, чтобы скрыть лившіяся изъ глазъ ихъ слезы.

Преподавъ всѣмъ находившимся въ архіерейскихъ покояхъ и собравшимся возлѣ дома послѣднее свое благословеніе, архипастырь отбылъ, при звонѣ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, въ дальній путь, оставивъ въ провожавшихъ его тяжелое чувство разлуки.

До селенія Калтайскаго провожали Его Преосвященство члены консисторіи съ секретаремъ, а до заимки Ш. — Преосвященный Макарій съ своимъ помощникомъ, о. ректоръ семинаріи, г. смотритель Томскаго духовн. училища, домашній врачъ Преосвященнаго и нѣсколько Томскихъ купцовъ.

За обѣдомъ, радушно предложеннымъ хозяиномъ заимки, время прошло въ оживленной, сердечной бесѣдѣ.

Въ концѣ обѣда, смотритель училища произнесъ рѣчь, въ

которой между прочимъ указаль на организованныя Преосвященнымъ Исаакіемъ воскресныя бесѣды, какъ на заботу Архипастыря о духовно-нравственномъ просвѣщеніи своей паствы. Что эти бесѣды пришлись по душѣ многимъ жителямъ Томска, сказалъ г. Юновидовъ, объ этомъ свидѣтельствуесть тотъ отраднѣй фактъ, что залъ, вмѣщавшій въ себѣ болѣе тысячи человекъ, былъ почти всегда переполненъ слушателями, такъ что и лѣстницы, ведущія въ этотъ залъ, были иногда заняты народомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бесѣды эти, хотя для нѣкоторыхъ, не остались безъ благотворныхъ послѣдствій.

Выслушавъ рѣчь г. Юновидова, свутникъ Преосвященнаго Исаакія, старецъ — протоіерей Красноярскаго собора замѣтилъ, что пріятно слышать о такой дѣятельности бывшаго и нашего Архипастыря Исаакія, но жалъ, что ничего о немъ неслышно изъ устъ самаго духовенства, для пользы котораго такъ много потрудился Преосвященный Исаакій».

Тогда о. ректоръ сказалъ, что хотя онъ и не готовился къ произнесенію рѣчи, — ибо это не имѣлось въ виду при провахъ за городъ, — но Преосвященный Исаакій сдѣлалъ такъ много добра для Томской епархіи въ 5 лѣтъ своего пребыванія, что о немъ можно говорить всегда и — безъ конца.

Испросивъ согласіе у Владыки и провожавшихъ его сказать хотя о главныхъ выдающихся памятникахъ заботы и труда, оставленныхъ Преосвященнымъ въ Томской епархіи, о. ректоръ предложилъ выслушать его рѣчь, которую, по обычной его изловитости, можно назвать скорѣе бесѣдой.

Сначала о. ректоръ указаль на то, что Преосвященный Исаакій оставляетъ послѣ себя судъ если и не совѣмъ скорый, то, несомнѣнно, правый, безкорыстный. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слышатся и теперь иногда сѣтованія на неправоту духовнаго суда, то этого нельзя сказать о духовномъ судѣ въ нашей епархіи. Затѣмъ о. ректоръ указаль на развитіе церковно-приходскихъ школъ и лучшую постановку въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. «Много поработалъ въ этомъ дѣлѣ Владыка, сказалъ о. архимандритъ, но за то и

насъ заставилъ не мало поработать для школъ. И благодареніе Богу: при совокунномъ, усиленномъ трудѣ, наши церковно-приходскія школы находятся въ такомъ состояніи, что, по справедливости, можно назвать ихъ образцовыми». Въ заключеніе о. ректоръ указалъ на особенное сочувствіе Преосвященнаго Исаакія къ миссіонерскому дѣлу въ Томской епархіи, выражавшееся въ заботливости объ увеличеніи пожертвованій въ пользу миссіи. «Равнѣ собиралось въ мѣстномъ комитетѣ миссіонерскаго общества тысяча съ небольшимъ рублей, а въ настоящее время сумма эта возрасла до 3 сличкомъ тысячъ».

«Когда о. ректоръ закончилъ свою бесѣду словомъ о миссіи, то помощникъ Преосвященнаго Начальника миссіи, игуменъ В. попросилъ Владыку Исаакія перенестись мысленно съ береговъ Томи въ горы Алтайскія и затѣмъ сказалъ: вчера, во время обѣденной трапезы, которую Преосвященнѣйшій Макарій справедливо сравнилъ съ вечерею любви, Ваше Преосвященство изволили выслушать выраженіе тѣхъ скорбныхъ чувствъ, которыми исполнены сердца прощавшихся съ Вами томичей. Въ искренности этихъ чувствъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо онѣ — плодъ любви, которую Вы снижали въ продолженіи пятнадцатипяти Вашего пребыванія въ Томскѣ.

«Но теперь позвольте, Преосвященнѣйшій Владыко, передать Вамъ о тѣхъ чувствахъ любви, почтени и благоговѣнія къ Вамъ, съ которыми встрѣчали и провожали Васъ новопросвѣщенные Алтайцы, въ бытность Вашу прошлымъ лѣтомъ на Алтаѣ. Говорить объ искренности чувствъ этихъ дѣтей природы я считаю излишнимъ: онѣ Вамъ вѣдомы по личному Вашему наблюденію и опыту. Скажу только, что чувства ихъ воспроизведены въ запискахъ сопутствовавшего Вамъ по Алтаю миссіонера, который не вѣдалъ и, конечно, не вѣдаетъ и теперь, что строки его будутъ читаться въ семь мѣствъ при прощаніи съ Вами навсегда. Но чувства Алтайцевъ къ Вашему Преосвященству дороги и для насъ, пастырей ихъ: ибо онѣ суть плодъ любви христіанской, а любовь христіанская предваряется вѣрою Христовою, благовѣстниками которой на Ал-

таб—миссіонеры. На сколько сердце Алтайца—христианина, по наружности человека грубого и невѣжественнаго, способно вмѣщать въ себя высокія чувства любви, правды и благодарности (хотя для выраженія благодарности у Алтайцевъ нѣтъ словъ),—объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующія строки изъ дневника Кебезенскаго миссіонера, съ самыхъ лучшихъ сторонъ извѣстнаго лично Вашему Преосвященству.

«Въ началѣ іюня мѣсяца, пишеть этотъ миссіонеръ, когда мы были съ проповѣдью евангелія и крестили желающихъ принять крещеніе въ аялахъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Ынырги и Николаевска, мы получили извѣстіе, что Преосвященнѣйшій Исаакій, Епископъ Томскій выѣхалъ изъ Улалы. Я посидѣлъ встрѣтить Архипастыря.

«Погода стояла пасмурная. Шелъ дождь. Изъ глубокихъ падей и ущелій горъ поднимался все выше и выше безконечный зловѣщій туманъ, окутывая пустынные скалы и дебри густою, непроницаемою дымкой. Впереди и по сторонамъ, на пространствѣ какихъ либо нѣсколькихъ сотъ саженой, ничего небыло видно. Такъ и казалось, что только этимъ видимымъ клочкомъ земли ограничивался весь міръ, за которымъ больше уже ничего нѣтъ,—таково свойство горнаго тумана. А тамъ гдѣ-то, въ сторонѣ отъ насъ, бурлилъ и кипѣлъ потокъ, увлекаемый за собой гальки каменистаго русла. Гулъ его сливался съ шумомъ падающаго дождя. Вѣковыя сосны и группы осинъ и березъ, недвижно простирая надъ окраинами дороги свои могучія, широкія вѣтви, лили на насъ цѣлые ручьи воды.

«Его Преосвященство не только терпѣливо переносилъ всѣ невзгоды пути, но напротивъ старался утѣшить и ободрить насъ ласковымъ и шутливымъ словомъ. Около аила Сарыкопши, вся гора, по которой проходила дорога, была усыпана народомъ, и казалась пестрой, живой и волнуемой. Цѣлыя толпы русскихъ, крещенныхъ инородцевъ и татаръ ходили здѣсь и ждали Владыку съ нетерпѣніемъ. Слухъ о прибытіи Преосвященнаго Исаакія въ «чернь», этотъ едва доступный край, дикій и суровый по своей природѣ, давно носился между алтай-

цами. Когда всеми уважаемый Архипастырь въ концѣ 1888 года постигъ отдаленія: Улалинское, Ченальское, Мыотинское и Макарьевское, то «онъ въ то время еще являлъ миссіонерами, ихъ пасомымъ и дикарямъ столько простоты, столько трогательнаго и вѣжнаго обращенія, что всѣ отъ души полюбили его, и въ то короткое время, которое онъ прожилъ въ этихъ мѣстахъ, успѣлъ онъ совершить много добрыхъ дѣлъ».

Еще не успѣвъ Преосвященный доѣхать до Сарыкопши, а къ нему мчались уже въ позный карьеръ цѣлыя десятки отдаленныхъ всадниковъ. Далѣе пробавъ сквозь сильную толпу инородцевъ, оказался въ высшей степени затруднительнымъ инородцы, какъ крещенные, такъ и некрещенные, ставъ въ колѣни, кланялись Владыкѣ, выражая ему чрезъ это свое уваженіе и благорасположеніе, а представители ихъ подвесили Владыкѣ хлѣбъ-соль. Преосвященный, не смотря на то, что дождь не переставалъ еще лить, луть же, подъ открытымъ небомъ, преподавалъ каждому, изъ крещенныхъ свое Архипастырское благословеніе, каждому изъ нихъ сказалъ теплое, задушевное слово. Ободренные такимъ простымъ обращеніемъ и некрещенные инородцы хлынули къ нему, и казалось, готовы были принять отъ него благословеніе. Эти добрыя отношенія Архипастыря къ горцамъ Алтая никогда не изгладятся изъ ихъ памяти, глубоко проникнуть въ ихъ душу и надуть добрымъ сѣменемъ; которое дастъ корни и будетъ все болѣе и болѣе расти до тѣхъ поръ, пока не принесеть плодовъ своихъ!

«Наслѣдующій въ день возданія получить награду за трудъ свой!» (Иоан. IV, 36). Затѣмъ Его Преосвященство раздавалъ инородческимъ дѣтямъ и взрослымъ инородцамъ крестики, календари съ изображеніемъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника, и кивжки религиозно-нравственнаго содержанія. Раздавая календари, онъ просилъ инородцевъ «йти и указать ему въ нихъ — который Царь, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Царица, внушая каждому, что звать своего Царя необходимо каждому вѣропоклонному. Мальчишкѣ и дѣвочекъ онъ ласкалъ рукою по лицу, какъ ласкаютъ

любимыхъ дѣтей и они смотрѣли на него съ такою довѣрчивостію, какъ будто-бы онъ былъ уже давно знакомъ имъ. За все это инородцы на столько были привзательны Преосвященнѣйшему Исаакію, что, когда онъ направилъ свой путь къ дальнѣйшему обзорѣнію Алтайской миссіи то почти все верхомъ на лошадяхъ, проводили его до Ыныргинскаго селенія, отстоящаго отъ Сарыкошны въ 20 верстахъ. Впереди, около Преосвященнаго, кремъ его свиты и меня, ѣхали «зайсаны». За ними слѣдовали во главѣ туземцевъ, «темічі» и «албачы». Они жались къ Преосвященному, видимо ревнуя въ этомъ другъ передъ другомъ. Позади ихъ, везли на лошадяхъ вьючные багажи, сверхъ которыхъ сидѣли погонщики точно на верблюдахъ. Бѣшенныя кони рвались впередъ и ѣздоки едва сдерживали ихъ. На пути тамъ и сямъ текли по ложу, устланному разноцвѣтными камнями точно мозаикой, горныя рѣчки и пересѣкали нашу дорогу. Изъ подъ ногъ нашихъ лошадей густо летѣли брызги и обдавали впереди ѣдущаго всадника блестящей пылью. Пѣздъ нашъ такъ долго тянулся, что одни изъ насъ уже выѣзжали на другой берегъ и скрывались въ лѣсу, а другіе едва достигли только брода. Въ Ыныргѣ народъ встрѣтилъ Его Преосвященство шумно и радостно и бросился на средину дороги, чтобы видѣть его ближе и поднести ему хлѣбъ-соль. Когда Преосвященный вошелъ въ храмъ при звонѣ большихъ и малыхъ колоколовъ, ученики мѣстной школы пропѣли на Алтайскомъ языкѣ: «Э Кутайды тууган, брыгүльди кежику, бирь кемп-юк, Кутанбистын энези, сени якшылап айдарга чин ярамыкту туру.

Керувимдардан артык күндүлю, Серафимдар тенежып болбос махтуду, Сёзү Кутайды пузулбай тууган. Кутайдын чин Энези сени махтап-яда бие». (Достойно есть, яко поистину блажити ти Богородицу...)

Пѣніе было на столько стройное и благоговѣнное, что Владыка пожелалъ, чтобы ученики пропѣли тоже самое еще на русскомъ языкѣ. Послѣ этого Преосвященный прозказменовалъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ знаніи ими молитвъ и священной пе-

торіи. На всѣ предложенные вопросы дѣти отвѣчали бойко, сознательно и толково. А между тѣмъ народъ тѣснѣлся все болѣе и болѣе въ храмъ, желая принять благословеніе Архипастыря. Нѣкоторые изъ нихъ стояли въ дверяхъ и вѣхъ храма, не имѣя возможности проникнуть далѣе.

На другой день, когда все было собрано и уложено, Его Преосвященство вышелъ на крыльцо и, напутствуемый благодарными пожеланіями собравшагся во множествѣ ивородческаго и крестьянскаго населенія Ынырги и окрестныхъ андовъ, отбылъ въ Кебезень. Его провожали далеко за селеніе не только мужчины и женщины, но и дѣти,—такъ велика была ихъ любовь къ Владыкѣ. Когда мы поднимались изъ Ынырги на гору, откуда начинался нашъ путь въ Кебезень, о. архимандритъ Лазарь указалъ мнѣ на двигавшіяся за нами, по склонамъ горы, массы народа и сказалъ: «Посмотрите, не напоминаютъ ли они библейскій народъ, который шелъ изъ Египта въ землю обѣтованную?!... Да, и этотъ народъ, который мы видимъ, также идетъ изъ Египта—изъ тѣмы язычества въ землю обѣтованную—въ царствіе Христа! Въ Кебезень я прибылъ нѣсколько ранѣе Преосвященнаго Исаакія. Около этого селенія вся набережная р. Віи была покрыта народомъ. Кебезенцы, наэлектризованные извѣстіемъ о пріѣздѣ народолюбимаго іерарха, давно уже стояли здѣсь и ждали высокаго гостя. Когда они увидѣли на противоположномъ берегу выѣхавшаго изъ-за лѣса Архипастыря, то возбужденію ихъ не было границъ. Слово «ѣдетъ» точно вихремъ пронеслось по берегу, заглушаемое звономъ колоколовъ. Изъ храма были вынесены на встрѣчу Владыки иконы и хоругви. Зрѣлище было и картинное и въ тоже время въ высшей степени трогательное. Но что не поддается никакому описанію, такъ это движеніе, охватившее толпу при видѣ Его Преосвященства, когда онъ переправился чрезъ рѣку Вію. Народъ бросился къ нему выражать уже не почтеніе, а благоговѣніе. Представители народа поднесли Владыкѣ хлѣбъ-соль, женщины поднимали вверхъ дѣтей своихъ, чтобы они собственными глазами увидѣли Епископа.

Преподавъ всѣмъ благословеніе, Его Преосвященство поднялся съ берега на гору пѣшкомъ и, сопровождаемый народомъ, взошелъ въ храмъ, украшенный зеленью изъ еловыхъ вѣтвей. Храмъ переполнился до тѣсноты, но нужно отдать справедливость инородцамъ, — среди густой массы народа была мертвая тишина, нарушаемая лишь однимъ стройнымъ пѣніемъ на Алтайскомъ языкѣ учениковъ мѣстной школы: «Достоинно есть яко воистину блажити тя Богородицу» и проч. Въ это время священный восторгъ молящихся дошелъ до того, что они послѣ сугубо-краткой ектеніи пѣли всѣ: «Господи помилуй!» также на Алтайскомъ языкѣ. Его Преосвященство еще ранѣе узналъ, что жители села Кебезени настолько освоились съ русскимъ языкомъ что могутъ понимать церковную проповѣдь, поэтому послѣ обычнаго многолѣтія онъ обратился къ народу съ простымъ, но задушевнымъ словомъ, въ которомъ развилъ главнымъ образомъ ту мысль, что Господь не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, но что каждый изъ православныхъ христіанъ есть храмъ, лучший, нерукотворенный храмъ Божій, въ которомъ Духъ Божій живетъ.

Послѣ поученія Его Преосвященство велѣлъ ученикамъ пропѣть молитву Святому Духу на русскомъ языкѣ и испытывать ихъ въ знаніи молитвъ и священной исторіи. Дѣти отвѣчали отчетливо и хорошо. Преосвященный награждалъ ихъ крестиками, календарями и книжками религіозно-нравственнаго содержанія. При этомъ онъ замѣтилъ, что ни мальчики, ни дѣвочки нисколько не походятъ на инородцевъ и по своему лицу кажутся чисто русскими. Нѣкоторые изъ нихъ не умѣли говорить по Алтайски.

На другой день Преосвященный Исаакій выѣхалъ изъ Кебезени къ Телецкому озеру.

Преосвященный Исаакій оставилъ у насъ самыя свѣтлыя, самыя отрадныя воспоминанія, — въ немъ было столько душевной и нравственной силы, что мы какъ-будто сейчасъ слышимъ его добрую, ласковую рѣчь. Всѣ прощались съ нимъ съ тою искреннею скорбію, которая вызывается только при про-

щавія съ близкими и дорогими вамъ лицами. Многіе, которые не въ состояніи были сдерживать свое волненіе, даже плакали, принимая отъ Архипастыря послѣднее его благословеніе».

И такъ, Пресвященнѣйшій Владыко, Вы оставляете одинаково дорогую по себѣ память какъ въ сердцахъ томичей, среди интеллигентнаго класса, такъ и въ сердцахъ Алтайскихъ иновродецъ, видѣвшихъ Васъ въ первый и послѣдній разъ. Сохраните же, благостивнѣйшій Архипастырь, молитвенную память о нихъ и о насъ.

И. В.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Разборъ вопросовъ, составленныхъ старообрядцемъ, крестьяниномъ деревни Починки Томской губерніи Григоріемъ Страховымъ. — II. Отглаголь Пресвященнаго Исаакія изъ г. Томска.
